

Надо увидеть кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в солнечный и тихий осенний день. После суматошного Парижа, после тяжелого монотонного гула автотрассы мы оказались на острове безмолвия и покоя. Это русское кладбище на чужбине отличалось от наших благоустроенных, чистой и совершенным безлюдьем. У нас даже в будни хоть кого-то да увидишь: обихаживают могилку, поливают цветы или просто сидят в неподвижной отрешенности.

А здесь — ни души. В благоговении бродили мы по узким дорожкам, читали надписи на памятниках и плитах, узнавали знакомые имена, но могила Бунина все не попадалась. А казалось, отыщем ее сразу: нобелевский лауреат как-никак, самый, быть может, знаменитый из всех, кто нашел тут последний приют. Рассуждали: должен быть и памятник, заметный во всяком случае. Ан нет! Заметные, богатые надгробия увековечивали память других людей.

В отчаянии (Французский друг, который привез нас сюда, должен был вскоре вернуться в Париж) направились в прикладбищенскую церковь, и батюшка, рослый седобородый старик с чистейшим русским выговором, охотно взялся быть нашим гидом.

Спустя четверть часа мы стояли у невысокого, из белого мрамора креста, к основанию которого была прикреплена плита с лаконичной надписью на русском и французском языках...

Я не случайно начал свои заметки о Бунине с рассказа о поисках его могилы — поиски эти кажутся мне символическими. Они ведь (если говорить не о могиле, не о трахе, а о Бунине-писателе) продолжают и ныне. И ныне мы открываем для себя Бунина. И ныне он снова возвращается к нам из своего далека, из добровольно-вынужденного изгнания.

Собственно возвращение писателя на родину началось еще при его жизни: нет-нет да и выходили — поавда, без ведома автора — сборнички рассказов, его переводы Лонгфелло, а сразу после войны был подготовлен объемистый том «Избранного», но опять-таки без участия писателя с которым не сочли нужным даже посоветоваться. Что включить... Какую из редакций текста считать окончательной... Тем не менее в 1947 году Бунин писал в Москву своему старинному другу писателю Н. Д. Телешову: «...спешу горячо просить тебя сказать Государственному издательству: пусть издаст из моих писаний все что угодно, но выбирает только из собрания моих сочинений издания «Петрополиса».

И прибавил: а если в Москве, паче чаяния, такового нет, то он, автор, готов пожертвовать последним оставшимся у него экземпляром.

В Москве издания не было. Сам писатель отправить свой экземпляр не успел, но сразу же после смерти Бунина это сделала его жена Вера Николаевна. По нему-то, в основном, и печатались, начиная с 1956 года, все бунинские книги, вплоть до пятитомного, а затем девяти томного собрания сочинений. (Последнее вышло с предисловием Твардовского, которого Бунин, издатель поэт, ставил чрезвычайно высоко).

Это было первое подлинное

возвращение автора «Деревни» и «Суходола», когда-то сделавших их создателя знаменитым, автора «Жизни Арсеньева», одной из вершин мировой автобиографической прозы, автора «Темных аллея», которые сам автор считал лучшим своим творением; наконец, автора «Освобождения Толстого» и книги о Чехове — произведений, которые не поворачивается язык назвать литературоведческими работами. так живо, так ярко, страстно они написаны.

Нынешний читатель больше знает и любит позднего Бунина, «Деревня» же и в особенности несравненный, ключевой для понимания бунинских истоков «Суходол» стоят как бы в стороне, но отшибе, воспринимаются, как некий сколок со знаменитых тургеневских и толстовских романов. Такое мнение бытовало еще при жизни писателя — Бунин не соглашался с ним. «Мы знаем, — говорил он, — дворян Тургенева, Толстого. По ним нельзя су-

Уроки чтения

ВЕСЕЛЫЙ НАПОР ЖИЗНИ

дить о русском дворянстве в массе, так как и Тургенев и Толстой изображают верхний слой. редкие оазисы культуры. Мне думается, что жизнь большинства дворян России была гораздо проше».

Проще и, добавим мы, беднее. Последнее обстоятельство дворянин Бунин испытал на собственной шкуре, оказавшись в двадцать лет без гроша в кармане. «Нужда положительно приперла меня к стене, — жаловался он брату Юлию, — убивает все надежды и думы своей неуimoreю безвыходностью... Не раз уже я доходил из-за денег чуть не до петли».

Написано это в августе 1891 года, в самый разгар его романа с Варварой Пашенко, прототипом Лики из «Жизни Арсеньева». Возлюбленные собирались пожениться, но родители ее были категорически против. Состоялось объяснение Бунина с ее отцом — спустя сорок лет писателем воспроизведет его в романе. «Не хочу видеть вас обоим несчастными, прозябающими в нужде».

Эти строки писались Бунинным на юге Франции в том самом году, когда Нобелевский комитет решал в Стокгольме, дать или не дать премию живущему в изгнании русскому писателю. Ах, сколько надежд было на эту премию, сколько упований! Увы... Минувло три года, и от нобелевских денег ничего не осталось; вновь взяла за горло нужда и уже не отпускала до самой смерти. Чтобы хоть как-то заработать на жизнь, разменявший восьмой десяток писатель выступал в захудалых полупустых клубах с лекциями, а после в одиночестве возвращался по ночному Парижу домой... Таким запечатлел его в своих воспоминаниях лечащий врач Бунина В. М. Зернов — «сгорбленного, закутанного в теплый шарф, с поднятым водоником пальто, страдающего одышкой».

В нищете начал жизнь, в нищете заканчивал... Но разве вы ощущаете это, читая его книги?

Разве не охватывает вас радость бытия? Разве краски, запахи, звуки, которыми насыщена его проза не передают всецельный напор жизни, первоизначальность ее и самоценность? Даже в преклонные годы не утратил он ни вкуса к жизни, ни феноменальной остроты восприятия.

Таково было первое возвращение Бунина... Точно окно высадил, и дохнул на нас, сморенных лицемерием казенной морали, свежим воздухом живых и сильных чувств. Мы впились, мы наслаждались, мы с благодарностью и надеждой начинали сознать, что мир, знакомый нам по литературе прошлого века, не законсервирован в книгах, а по-прежнему существует, надо только открыться навстречу ему. В отличие от других писателей-классиков Бунин ведь совсем близок к нам — наш, по сути дела, современник. (В ноябре нынешнего года исполнится сорок лет, как его не стало.)

Но тогда — в 60-х, в 70-х — мы не знали еще другого Бунина: публициста, философа — его от нас тщательно утаивали. Однако и политический темперамент писателя, и социальные пристрастия проявляются даже в элегической «Жизни Арсеньева».

«...разве не исконная мечта о молочных реках, о поле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности? И что такое вообще русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирающий, ни в малейшей мере не хотящий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой?».

Но настоящим открытием Бунина как гражданского писателя была, конечно, публикация на родине его «Окаянных дней» — документа силы, страсти и честности необычайной. Эта совсем небольшая книжка воспринимается как концентрированная эпопея, как пунктирный роман о слове эпох, последствия которого явственны и ныне.

То, стало быть, было второе возвращение Ивана Алексеевича Бунина, третье же... Третье происходит теперь.

Это возвращение — или, если угодно, открытие — писателя, который, несмотря на потерю привычной социальной почвы (то же, по сути дела, произошло сейчас с нами), несмотря на униительную бедность и отсутствие ясных перспектив (и опять напоошивается аналогия с нынешним нашим житьем-бытьем), несмотря на все это, сумел-таки сохранить себя как личность.

Он был нищ, но с ним оставалась любовь к истрадавшей родине, с ним оставалась русская литература (на смертном одре перечитывал Чехова), с ним оставалось его человеческое достоинство...

Быть может, именно в таком Бунине мы и нуждаемся сегодня больше всего?

Руслан КИРЕЕВ.